

В. А. Попелюшко,

доктор юридических наук, профессор, директор Института права имени И. Малиновского Национального университета "Острожская академия"

ВОПРОСЫ СУДОПРОИЗВОДСТВА В РАБОТЕ И. МАЛИНОВСКОГО "УЧЕНИЕ О ПРЕСТУПЛЕНИИ ПО ЛИТОВСКОМУ СТАТУТУ"

В постановлениях Литовских Статутов вопросы материального и процессуального права, в том числе права уголовного и уголовно-процессуального, были слиты воедино. Но в них уже нашли свое отражения взгляды на преступление не только с точки зрения частного лица, но и с точки зрения общественных интересов, что проявлялось в первую очередь, как полагал студент-выпускник 1892 г. Киевского университета И. Малиновский, в порядке возбуждения уголовного преследования, в оценке преступных деяний, в положении обвиняемого и потерпевшего перед уголовным правосудием.

Возбуждение уголовных исков (доводов "кгвалту", "злодейства" и т. п.), по общему правилу, принадлежало частным лицам. Новые же воззрения на преступление как на нарушение интересов всего общества требовали, чтобы возбуждение уголовного преследования принадлежало также государству, а поэтому осуществлялось его органами *ex officio*. Поэтому уголовное преследование особенно важных преступников Литовские Статуты уже вменяли в обязанность должностным лицам государственных органов. В их обязанность, в частности, входило уголовное преследование особенно важных преступников в случаях отсутствия частных обвинителей: например, муж убивает жену или жена убивает мужа, а дети или родственники отказываются от уголовного преследования убийцы, – на суд возлагается обязанность преследовать супруга убийцу; или, нет заинтересованного лица в преследовании матери, умертвившей своего незаконно рожденного ребенка: "а въ таковой речи вряды наши кгродские и местские, мають выведанье чинити и того постеригати, а дознаныхъ и правомъ переконаных карати" [1, с. 12; 117].

Уголовное преследование *ex officio* производилось также относительно политических ("ображение маестату и зрада речи посполитой"), военных (бѣгство с поля сражения), преступлений по судебной службе и против судебной власти (постановление неправосудного решения – "сказань неправная"), фальшивомонетничества ("фальшованье монеты"), незаконного взимания пошлины ("мыта"), ("без листа и без данины") и некоторых общих преступлений [1, с. 52-171]. Справедливый донос о готовящемся политическом преступлении, например, награждался, а ложный, наоборот, наказывался [1, с. 65-66].

Предварительное расследование ("шкрутыніум") или дознание ("выведанье") уголовных дел, возбужденных *ex officio*, возлагалось на возного [1, с. 131, 136,].

Считалось, что суд принадлежит королю. Высшим судебным органом, по уголовным делам об "ображенъ маестату", и иным государственным преступлениям, о лишении чести и некоторым другим, был "сеймѣ великий вальный", производимый королем "с паны радами великого князства Литовского" [1, с. 65], – т. з. господарский суд. Для всей шляхты судом первой инстанции по уголовным делам был Замковый суд, а по другим делам – Земский. С 1581 г. Действовал "Главный Литовскій Трибуналь" как высшая апелляционная инстанция для всех областных судов. Замковый суд состоял из областного правителя (воеводы, старосты, "державцы"), его заместителя, замкового судьи и писаря. А обязанности земских судов исполняли судьи, подсудки и писари. Кроме того действовал суд вотчинный, который принадлежал шляхтичам-землевладельцам. Ему были подсудны все уголовные дела своих "подданныхъ", в том числе и некоторые из тех, за совершение которых предусматривалась смертная казнь. В крестьянском быту сохранялся еще так называемый "копный суд".

Судебному разбирательству уголовного дела частными лицами предшествовала подача иска. При этом требовалось соблюдение, под угрозой наложения денежного штрафа, правил подсудности, а также формы и содержания. В частности, в подаваемом в суд иске должны были излагаться одни только факты, без каких-либо оскорбительных для обвиняемого толкований этих фактов [1, с. 87-88].

Стороны приглашались в суд посредством особых повесток, которые назывались "позвами", или другими способами, – "черезъ заказъ", "заповѣдь", через возного. Неявка в суд по обвинению в

маловажних преступленнях влекла постановление заочного приговора, а по обвинению в иных преступлениях, в зависимости от их тяжести, к различным неблагоприятным для неявившегося обвиняемого последствиям. Например, за неявку после получения “позовов” на суд по обвинению в преступлениях “за што горлом карають”, следовало выволяньє, – изгнание. Правда, обвиняемый в течении одного года шести недель мог попросить у короля “кглеить”, и по его получении явиться на суд [1, с. 88-89].

Призванный в суд шляхтич мог привести с собой шесть приятелей шляхтичей, и прокуратора (адвоката), нравственной обязанностью которого являлось употребление всех усилий для защиты интересов доверителя. За действия во вред доверителю, в зависимости от тяжести последствий, прокуратор подвергался различным дисциплинарным взысканиям вплоть до лишения, например, за представление суду подложного документа (“фальши”): прокуратор-шляхтич – чести, а прокуратор-нешляхтич – жизни посредством смертной казни [1, с. 90-94].

Оценка доказательств в суде являлась преимущественно формальной и к тому же покоилась на классовом (сословном) начале. Например, за умышленное убийство “человѣка простого стану” предусматривалась смертная казнь. Для предания смертной казни шляхтича за убийство простого человека закон требовал наличия многочисленных процессуальных условий. Для предания же смертной казни простого человека за то же преступление достаточно была ничтожная доля этих условий. Например, за убийство человека простого стану шляхтич предавался смертной казни при наличии следующих условий: преступник должен быть пойман на месте преступления (“на горячомъ учинку”), истец должен был присягнуть на суде с шестью свидетелями, среди которых должны быть два шляхтича. Отсутствие одного из этих условий освобождало шляхтича от смертной казни. Шляхтич же, убивший простого человека, но не пойманный на месте преступления, уплачивал только головщину. Если в числе свидетелей не было шляхтичей, то истец мог присягнуть с тремя нешляхтичами. Но доказательства в этом случае считались неполными, и убийца-шляхтич, даже пойманный на месте преступления, избегал личного наказания, а только уплачивал головщину [1, с. 114].

Или, шляхтич, обвиняемый в разбое простым человеком, подвергался смертной казни только в том случае, если он был схвачен на месте преступления (“на томъ разбою з лицомъ пойманъ”) и если истец присягал “сам и 7” (с тремя шляхтичами и четырьмя нешляхтичами). Если истец не мог представить требуемого числа свидетелей, то обвиняемый мог “3 отъ того розбою отприсягнутися”, и таким образом освободиться от всякой ответственности [1, с. 136].

Литовские Статуты при доказывании тех или иных видов преступлений придавали разным доказательствам разную силу, что влекло различие в преступности деяния и в наказуемости виновных. Например, кража, доказанная посредством поличного, считалась деянием более преступным, а поэтому облагалась более строгим наказанием, нежели кража, доказанная другими процессуальными средствами [1, с. 147].

Другими процессуальными средствами как доказательствами при краже служили: “лицо” – украденная, отысканная и представленная на суд вещь; “слушная причина” или “слушный знак” либо “слушный доводъ” – все другие основательные доказательства, кроме “лица”, например, показания свидетелей, имеющие какие-либо веские основания считать “обвиняемого” “злодеемъ”; “поволанья” – оговоры в злодействе, в том числе записанные в так называемых “чорных книгах”, находившихся при каждом “врядѣ” [1, с. 149-150].

“Лицо” могло быть отыскано посредством: а) поимки преступника на месте преступления (“на горячомъ учинку”); б) посредством обыска; в) посредством “гонения следомъ”. Преступник мог быть пойман во время совершения преступления – “на горячомъ учинку” или после совершения преступления, – “на дорозе”. Обыск украденной вещи в чьем-либо доме производился в присутствии возного и понятых – “людей сторонних веры годныхъ”. “Гонение следомъ” называлось в Литовских Статутах “давнымъ обычаемъ” и соответствовало тому же понятию Русской Правды [1, с. 150].

Обвиняемые в краже делились на: а) “злодеевъ приличныхъ, лицованныхъ”; б) людей “подозренныхъ” и в) людей “неподозренныхъ”.

“Злодей”, пойманный “съ лицомъ” и представленный на суде, назывался “лицованнымъ” или “приличнымъ злодеемъ”. Это название оставалось навсегда. В случае вторичного обвинения в краже, суд иначе относился к такому “приличному злодею” нежели к другим обвиняемым.

Человек, привлекавшийся уже к ответственности за кражу и плативший денежные штрафы, как вознаграждения потерпевшему, но неуличенный в краже и не несший уголовного наказания, и человек, “оговоренный околицей” или записанный в “чорныхъ книгахъ”, назывался “подозренным человекомъ”.

“Неподозренные люди” – это люди, достойные веры. Они не только никогда не подвергались наказанию за кражу, но даже никогда не были обвинены в краже, на них никогда не падала тень подозрения.

Указанные классы подсудимых, виды доказательств и способы отыскания украденной вещи в каждом отдельном случае различным образом комбинировались. В зависимости от этого сочетания доказательств и положения подсудимого перед уголовным судом каждый иск о краже получал особую окраску и приводил к различным последствиям.

Так, при существовании “лица”:

Вор пойман с “лицом”, представлен на суд и “правомъ переконанъ”. В этом случае преступление вполне доказано и преступник подвергается уголовному наказанию.

“Лицо” отыскано и представлено на суд, но человек, у которого “лицо” найдено, ссылается на то обстоятельство, что найденная у него вещь куплена им, а не украдена. Происходит “зводъ”. Обвиняемый представляет на суд человека, у которого он купил краденую вещь – “зводцу”. Представивший “зводцу” освобождается от уголовной ответственности за кражу, но теряет деньги, уплачивая их за вещь, оказавшуюся краденной. Первый “зводца” может представить суду второго “зводцу”, т. е. человека, продавшего ему краденную вещь и т. д. Каждый “зводца” уплачивает “вряду” выкуп за “лицо”, и сам получает от заместителя своего на “зводе” навязку. Последний “зводца”, если докажет “свидетельствомъ”, что спорная вещь принадлежит ему или докажет “выписомъ вряду”, что вещь действительно куплена им, хотя он не может представить продавца на суде, освобождается от ответственности. Если же последний “зводца” не оправдает себя, то подвергается смертной казни.

Следует отметить, что Литовские Статуты содержали постановления о том, что купля-продажа должна была записана в “книги вряду”, что при “зводе” могло служить доказательством невинности владельца краденной вещи.

На доказательства истца, что спорная вещь у него украдена, ответчик мог со своей стороны представить доказательства, что спорная вещь, напротив, принадлежит ему (“мениль коня або вола своимъ доморослымъ або речъ дома уробленую”). При равенстве доказательств, если при этом обвиняемый “человекъ неподозренный”, суд принимал сторону последнего, опираясь на принцип: “въ речахъ вонтливыхъ (сомнительных, неизвестных – В. П.) склоннеший маеть быти к вызвольенью нижели ку каранью”.

Не всегда нахождение украденной вещи в чьем-либо доме могло служить основанием даже для привлечения к уголовной ответственности хозяина дома.

В случае, если “лицо” заставали дома и жена и дети знали, что “лицо” краденное и пользовались им, хозяин дома как “злодей” предавался смертной казни, а жена и дети “повинны будут ту шкоду платити” [2, III, XIV, 23].

Если же из той обстановки, при которой найдена украденная вещь у кого-нибудь в доме, на гумне, во дворе можно было заключить, что вещь подброшена, то хозяин дома, “человек неподозренный”, не подлежал ответственности за кражу, а для “человека подозреваемого” это было равносильно: “поволяню” – шляхтича за четвертым разом, нешляхтича за третьим разом – смертной казни (III, XIV, 15).

При отыскании “лица”:

“Гонение следомъ в какой кольвекъ шкоде покраденной”.

Село или дом, куда приведет след, могли отвести след от себя “до границы куда тот следъ поидеть”. В таком случае “гонение следом” продолжается. Но если “тое село, до которого следъ приведетъ отъ себе следу не вывели, або отъ следу отбили, або выгнавши быдломъ затоптали”, то в присутствии возного и понятых истец приносил присягу, что у него украдено, копа оценивала стоимость украденного, после этого село должно “шкоду заплатити” (“а собе винного искати”) [III, XIV, 9].

Если “лицо” находили при обыске, производимом возным с участием понятых в чьем-либо доме, то “лицо” и “человѣкъ”, которого при лице застали”, представлялись на суд “и тамъ далей по праву поступати”.

Но если кто в своем доме обыска не допустил, то “повинен стороне жалобной всю шкоду платити водле доводу або присеги” [III, XIV, 5].

Поимка “злодея с лицомъ”

“Слуга и подьяный” найман с украденной вещью на кгрунте пана того человека”. Потерпевший просит у пана “справедливости”. Если пан не удовлетворяет просителя, не учиняет суда над своим слугой, то дело переносится в общий суд (“до вряду нашего суду належного”), куда призываются пан и слуга.

При существовании “знаковъ злодейскихъ” (слушной причины) судьба обвиняемого зависела от положения подсудимого перед уголовным судом:

Если знаки злодейские “пописаны” на человека неподозренного, “таковый человекъ бы и добре знаки слушные на него были пописаны, не мает на муку выдан быть”. Дело в данном случае ограничивалось тем, что истец доказывал, что вещь спорная принадлежит ему и у него украдена, а обвиняемый лишь возмещал “всю škodu”.

При существовании “знаковъ злодейскихъ” на “человека подозреного” – “тотъ человекъ маеть на муку выданъ и мучанъ одинъ разъ”. Если “мука” приводила к сознанию в краже, то подвергавшийся пытке предавался смертной казни. В противном случае подвергавшийся пытке получал навязку от истца (возмещение морального вреда – по соврем.).

Этот второй случай относился лишь к “людямъ” простого стану. Обвинение шляхтича “сушной причиной” приравнялось к обвинению “кроме слушной причины”.

Обвинение “о злодействе без лица и кромъ слушное причины”.

Первое обвинение шляхтича “безъ лица и кромъ слушное причины” не только “почтивости и доброй славе его ничто škodити не маеть”, – но, напротив, обвинитель “повинень будет того шляхтича невести, яко бы его зранил и там же на замку або в дворе нашемъ сидети 12 недель, естли-бы тотъ жалобникъ былъ самъ шляхтичъ, а простого стану человекъ маеть за то у стовпа быть быти обволываючи тотъ его выступъ”.

“Врадникъ-шляхтич за первым “поволаньем” от злодеевъ”, осужденных на смертную казнь, “маеть стороне škodu платити”, а за вторым обвинением “маеть сказанъ быти насмерть, яко злодей”.

Если бы шляхтич, “не маючи ни которыхъ слушныхъ знаковъ”, обвинил в краже “неподозренного человека простого стану”, то за первым обвинением может или отприсягнуться “3”, или “škodu” уплатить; а за вторым обвинением “маеть быти поконанъ водле права и присяги яко злодей”.

Обвинение в краже может падать на целое село, если потерпевший не знает, кто именно украл. В этом случае “3 мужа изъ села должны присягнуть, яко в томъ селе škodника его не ведают, а сами škodниками не суть”. Если присяга не будет принесена, то “оное село всю ту škodu всю тому škodнику мають платити а себе злодея искати”.

“Злодей приличный”, обвиняемый в карже “без лица” и “безъ слушной причины”, подвергается троекратной пытке в один день.

Сознание на пытке ведет к применению уголовного наказания как к “злодею правом поконаному”. Если же пытка к сознанию не приведет, то истец уплачивает “навязку” за “муки”, за изувечение – “польчеловека”, за причинение смерти на пытке – головщину. При этом приводится то соображение, что пытаемый может обладать “чарами” и что пытка такого человека не может привести к сознанию. В этом случае пытаемый не получает навязки за “муки”, а сам еще должен вознаградить истца за “škody”.

Таковы процессуальные особенности иска о “злодействе”. Свои процессуальные особенности имел уголовный иск, его доказательственная база и процесс доказывания для каждого, или почти для каждого вида преступлений, предусмотренных Литовскими Статутами, главным образом потому, что их уголовно-правовые нормы и уголовно-процессуальные нормы ещё составляли органическое единство.

И ещё. И. Малиновский подчеркивает и такую, *sund* инквизиционную черту Литовских Статутов. Преступление может быть не доказано, истинный преступник может быть не отыскан. Тем не менее лица, замешанные в процессе отыскания истинного преступника, подвергаются той или иной ответственности – уплачивают “škodu” потерпевшему, подвергаются пытке или даже смертной казни. Эта ответственность не есть уголовное наказание. Пытки – судебное средство а не наказание. Смертная казнь для неоднократно поволанных – тоже не уголовное наказание. Преступление не доказано, доказана преступность данного лица вообще, доказано, “выражаясь термином Московского законодательства, что преступник – “лихой человек”, смертная казнь в данном случае, – средство избавления от “лихих людей” [1, с. 156-157].

Список использованных источников:

1. И. Малиновский. Учение о преступлении по Литовскому Статуту. – Киев., 1984. – 243 с.
2. Статутъ Великого Князьства Литовскаго 1588 года. – Москва; Въ Университетской Типографіи. – 1854. – 382 с.